

Е. И. Гончарова

Александр Блок и поэты Пролеткульта

Пореволюционная эпоха в России — время радикальных культурных начинаний. Активисты революционного движения, пройдя учебу во фракционной школе РСДРП на о. Капри (так называемой каприйской школе, совместном политико-идеологическом проекте А. А. Богданова и М. Горького¹), вернулись в Россию, чтобы объединить пролетариат под знаменем «пролетарской культуры». Пролеткульт — сокращенное название пролетарских культурно-просветительных организаций, возникших после Февральской революции². В кратчайший срок Пролеткульт должен был подготовить новую пролетарскую интеллигенцию. Программа «пролетарской культуры» преследовала совершенно определенную цель — формирование нового типа культуры и нового типа человека. Однако было очевидно, что без участия дореволюционной интеллигенции, без ее опыта создать пролетарскую культуру невозможно. «От старой интеллигенции, — заявлялось в программных документах, — мы возьмем лишь специальный навык, поставив под контроль ее культурное влияние»³. Идеолог Пролеткульта Александр Богданов⁴,

¹ См.: *Ревякина И. М.* Горький и А. Богданов: история отношений и переписка // Социальные и гуманитарные науки: реферативный журнал. Сер. 7. М., 1996. С. 3—17; *Кара-Мурза А. А.* Александр Богданов и «Каприйская школа»: между Горьким и Лениным // Полилог = Polylogos. 2018. Т. 2, № 4. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110000071-0-1/>

² См.: *Меньшутин А., Синявский А.* Поэзия первых лет революции. М., 1964; *Карпов А. В.* Русская интеллигенция и Пролеткульт // Вестник Омского гос. ун-та. 2004. № 1. С. 92—95; *Левченко М.* Индустриальная свирель: Поэзия Пролеткульта 1917—1921 гг. СПб., 2007.

³ Протоколы Первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций. 15—20 сентября 1918 г. / под ред. П. И. Лебедева-Полянского. М.: Пролеткульт, 1918.

⁴ Богданов Александр Александрович (наст. фам. Малиновский; 1873—1928) — ученый, революционер, врач, философ, писатель-фантаст, идеолог Пролеткульта

призывая пролетарских поэтов учиться художественной технике у революционных романтиков и писателей-классиков, предостерегал от каких-либо заимствований, дабы не заразиться «зародышами гниения». К «новейшим» классикам, «далеким и изменчивым», чуждым по духу пролетарской культуре, Богданов относил и Александра Блока⁵.

Поэт, на первых порах поддержавший Октябрьский переворот⁶, был привлечен на службу новой властью одним из первых среди писателей. Сотрудничество началось в январе 1918 г.: Блока пригласили участвовать в Комиссии по изданию классиков при Народном комиссариате просвещения. Тогда на заседаниях в Зимнем дворце, состоявшихся 17 и 25 января, он и познакомился с главой Всероссийского Пролеткульта П. И. Лебедевым-Полянским⁷ (тот был председателем комиссии). В дневниковой записи, посвященной этому совещанию, Блок дал ему следующую характеристику: «Председатель — тов. Полянский, который разгонял Ученый комитет при Министерстве народного просвещения⁸. <...> В Полянском — марксистско-эмигрантско-интеллигентско-луначарско-хитровато-добродушное. Очень любезный. Сам все это знает про

(1918—1920). Один из организаторов Каприйской рабочей школы. Врача-психиатра Богданова с благодарностью вспомнил А. М. Ремизов: «А. Богданова я знаю еще до университета. Высланный в Вологду, он занимал, как доктор, большое место заведующего в Кувшинове. В те годы, 1901—1903, он считался „заместителем“ Ленина в России. Необыкновенно чистый, весь в своей блестящей черной блузе, и эти чистейшие детские глаза. Я думал, глядя на него, вот — НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК <...> Но я держался, как пациент: все мои слова и движения сковывали его осторожный и ласковый взгляд, мой мир „с разрывом пространства“ и снами и сам я, — „декадент“, в его глазах я только безнадежно свихнувшийся в Устьысольске» (Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 436).

⁵ Богданов А. А. Мотивы рабочей поэзии // Пролетарская культура. 1918. № 3. С. 19.

⁶ См.: *Иванова Евг.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб.; М., 2012.

⁷ Лебедев-Полянский Павел Иванович (наст. фам. Лебедев, псевд. Валериан Полянский; 1882—1948) — литературовед, критик, учился в духовной семинарии и в Юрьевском университете, коммунист с 1902 г., за участие в революционном движении несколько раз арестовывался, в 1908 г. эмигрировал в Швейцарию. В 1917 г. вернулся в Россию, был редактором журнала «Пролетарская культура», позже — директором Института русской литературы (1937—1948), редактором «Литературного наследия». Лебедев-Полянский был инициатором первых советских изданий русских классиков, причем отобраны были, за исключением А. С. Пушкина, только классики социал-демократического направления: Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский.

⁸ Пролеткульт возник под эгидой Народного комиссариата просвещения вместо упраздненного после Октябрьского переворота ученого комитета при Министерстве народного просвещения.

себя (15 лет нелегальности)» (VII, 319, 321). Лебедев-Полянский в 1922 г. написал краткие воспоминания о беседе с Блоком «с глаза на глаз» перед заседанием комиссии в Зимнем дворце. «Вас интересует политика, — говорил поэт, — интересы партии; я, мы, поэты, ищем душу революции. Она прекрасна» (*Блок в воспоминаниях*, т. 2, с. 183). Блок воспринимал свершившуюся революцию не в реальном общественно-политическом смысле, а совершенно иначе. Для него революция воплощала окончательное крушение «старого мира» и приход «нового мира». Противопоставление этих двух миров будет для Блока ключевым. Поэт был захвачен стихийной стороной народной революции. Отвечая 14 января 1918 г. на анкету газеты «Петроградское эхо» о возможности сотрудничества интеллигенции с большевиками, он замечал: «...у интеллигенции звучит та же музыка, что и у большевиков» (VI, 8). По его убеждению, соглашение между интеллигенцией и большевиками «будет соглашением музыкальное» (Там же). И то, что приемлемо для него, то, чему он дает положительную оценку, он определяет как ценности музыкальные. Революция, казалось Блоку, должна изменить породу человека. Он писал о рождении нового человека, отличного от прежнего мещанина и обывателя. «Это будет уже не самодовольное ничтожество; это будет новый человек, новая ступень к артисту» (VI, 25). Образ «человека-артиста», иными словами, гармоничного человека, был заимствован Блоком у Р. Вагнера. Свои размышления о «новой человеческой породе» он повторил и позже, в 1919 г.: «...человек — животное гуманное, животное общественное, животное нравственное перестраивается в *артиста*, говоря языком Вагнера» (VI, 346—347).

Лебедев-Полянский, беседуя с Блоком, внимательно наблюдал за поэтом. Тот показался ему человеком, мягко говоря, необычным: «Непонятный, немного странный и как будто даже душевно больной человек прошел мимо меня. Русский, настоящий русский, с романтической душой, ищущий высшего смысла жизни и революции. Любящий их и шагающий через них в неведомую даль» (*Блок в воспоминаниях*, т. 2, с. 185).

Как раз в январе 1918 г. в журнале «Пролетарская культура» была напечатана статья Лебедева-Полянского «Под знамя „Пролеткульта“» с призывом уничтожить «буржуазию» «не только физически, путем броневиков, пулеметов <...> но и духовно, освободившись от ее идейного ига, создав свою новую культуру, более

стройную и целостную»⁹. К буржуазии относили и ту интеллигенцию, которая согласилась сотрудничать с большевиками, пошла на службу в Пролеткульт. Из литераторов, с которыми Блок ранее поддерживал отношения, сотрудничать с Пролеткультом начали Андрей Белый, Вяч. Иванов, С. Есенин, Н. Гумилев, В. Ходасевич, И. Ясинский, К. И. Чуковский, К. Эрберг¹⁰.

В записной книжке № 56 Блок отметил 11 сентября 1918 г.: «Люба играет с Мгебровым Клитемнестру в „Электре“ Гофманстала в Двор<янского> Собрании (для 200 красноармейцев)»¹¹. Речь шла о спектакле в зале Дворца Пролеткульта, которому было передано здание б. Благородного собрания¹². Актер А. В. Мгебров был одним из организаторов этого учреждения, создателем Художественной арены Пролеткульта. В зале Пролеткульта дважды выступила жена поэта¹³. В доме Блока часто бывала актриса Ада Корвин¹⁴, подруга Л. Д. Блок. Ученица Ж. Далькроза, теперь она преподавала пластические танцы в студии Пролеткульта и выступала в революционных спектаклях, исполняя главные партии.

Дореволюционная интеллигенция, привлеченная к сотрудничеству, вызывала опасения у руководства Пролеткульта. Лебедева-Полянского откровенно пугал успех Андрея Белого, читавшего рабочим курс «Ритмика»¹⁵ в московском отделении Пролеткульта:

⁹ Пролетарская культура. 1918. № 1. С. 4.

¹⁰ См., например: Бубнов С. А. Интерпретации поэзии С. А. Есенина на страницах пролеткультовских журналов в 1918—1919 гг. // Учен. зап. Орловского гос. ун-та. 2013. № 5 (55). С. 122—124; Гаврилова Л. И. «Пролеткульт» в оценке В. Ф. Ходасевича // Человек в мире культуры: Региональные культурологические исследования. 2017. № 2/3 (21). С. 36—38; Ясинский И. И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний / сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд, вступ. ст. Л. Л. Пильд, подгот. текста Т. В. Мисникевич, коммент. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1. С. 703—709 (Глава CIV. [Пролеткульт]).

¹¹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 364. Л. 73.

¹² Дворец Пролеткульта располагался по адресу: Малая Садовая ул. (в 1918 г. ул. Пролеткульта), д. 2.

¹³ См.: Галанина Ю. Е. Любовь Дмитриевна Блок: Судьба и сцена. М., 2009. С. 409 (Хронология театральных постановок Л. Д. Блок).

¹⁴ Корвин (наст. фам. Юшкевич) Ада (Адда) Адамовна (?—1919) — драматическая актриса и танцовщица-босоножка, участница Териокской антрепризы (1912). Актриса умерла 2 марта 1919 г., заболев тифом в одной из поездок на фронт со студией Пролеткульта. Блок отметил в записной книжке: «Известие о смерти Ады Корвин» (ЗК, с. 451). О сотрудничестве Ады Корвин с Пролеткультом см.: Мгебров А. А. Жизнь в театре: в 2 т. М.; Л., 1929. Кн. 1. С. 333—334, 349.

¹⁵ Андрей Белый поступил на службу в Московский Пролеткульт в конце сентября 1918 г., где руководил литературной студией, читал курс «Ритмика», вел

«Когда он, а за ним и другие, воспитавшиеся на символизме, начинают творить чаемую культуру, нас берет страх, и мы утешаемся одним, что скоро пролетариат освободится от этого „творчества“, а интеллигенцию сделает своей слугой, как она служила прежде буржуазии»¹⁶. Под «другими», воспитанными на символизме, подразумевался и Блок. В одной из программных статей, напечатанных в журнале «Грядущее», говорилось: «Революционно-социалистическую интеллигенцию мы используем, но и „только“, направлять, проверять, творить — „дело рук самих рабочих“»¹⁷. Эта позиция была краеугольным камнем идеологической платформы Пролеткульта.

Сама по себе идея демократизации искусства, выдвинутая Пролеткультом, была Блоку отнюдь не чужда. В многочисленных высказываниях поэта, в статьях пореволюционного времени можно найти отдельные положения, близкие декларациям пролеткультовцев. В марте 1918 г. Блок начал службу в Театральном отделе при Народном комиссариате просвещения, под эгидой которого был организован Пролеткульт. На заседании Репертуарной секции (Блок был ее председателем) он предложил текст «Воззвания», который вызвал протест присутствующих, но был опубликован именно в таком виде: «Мы не пастухи, народ — не стадо. Мы — только более осведомленные товарищи <...> Должно найти тот ключ, тот Сезам, который открыл бы народу доступ в подвалы, где скупые мы и скупые предки наши хранили сокровища культуры» (VI, 293—294). Блок говорил о том, что со стороны интеллигенции не должно быть ни высокомерия по отношению к народу, ни снисхождения к нему. Интеллигенция, убеждал он, должна отдать народу все накопленные культурные сокровища.

В записной книжке № 56 в первый послереволюционный год Блок вел ежедневные записи. 8 (21) февраля 1918 г. поэт сделал крат-

семинарии. В «Ракурсе к дневнику» Белый отметил: «...мои обязанности: 1) Курс лекций, 2) Семинарий, 3) Читка присылаемых в Пролет-Культ рукописей и доклад о них (разбор формы), 4) Прием поэтов и разбор приносимых ими произведений» (*Андрей Белый*. Ракурс к дневнику // *ЛН*. М., 2016. Т. 105. С. 445). См.: *Глухова Е. В.* Андрей Белый в проектах первых лет советской власти: Пролеткульт и Наркомпрос // *Арабески Андрея Белого: Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика*. Белград; М., 2017. С. 177—198; *Гончарова Е. И.* «Скромная ученица» и «великий посвященный»: письма Н. А. Павлович к Андрею Белому // *Русская литература*. 2018. № 4. С. 132—150.

¹⁶ *Полянский В.* <П. И. Лебедев-Полянский>. [Рец.] // *Пролетарская культура*. 1919. № 6. С. 47.

¹⁷ *Грядущее*. 1918. № 8. С. 21.

кую запись: «В „Знамени> Тр<уда>“ — стих<отворение> пролетария, посвящ<енное> мне (в рукописи: А. Блоку и др.; потом и др. зачеркнуто. — Е. Г.)»¹⁸. Речь идет о стихотворении «Поэтам революции», опубликованном в левоэсеровской газете с подписью: Поэт-Пролетарий¹⁹. Судя по записи, изначально стихотворение было адресовано Блоку и всем поэтам, которые так же, как и автор, встали «под знамена» революции. В последней редакции осталось только посвящение Блоку:

Мы обнажили меч кровавый,
Чтоб гнет разрушить вековой,
И с верой светлой в жребий правый
Мы вышли на последний бой.

И в страшный час борьбы и муки,
В кровавом вихре грозных битв
Мы услышали чудо-звуки
Благословляющих молитв.

И вы, что нежностью питали
Ожесточенные сердца,
Вы под знамена наши встали,
Чтоб вместе биться до конца.

О светлый час благословенный,
Велик ваш огненный союз:
Союз меча борьбы священной
С певцами легковейных муз.

Автором стихотворения был Владимир Кириллов, один из самых ярких представителей петроградского Пролеткульта²⁰. В августе 1918 г. в зале Пролеткульта будет представлена инсценировка его стихотворений при участии Ады Корвин, исполнявшей в пластическом танце «Свободу, рвущую цепи».

Появление стихотворения «Поэтам революции» в левоэсеровской газете «Знамя труда» знаменательно. Обращает на себя внимание примечательный факт: стихотворение напечатано на следующий день после опубликования в той же газете блоковских «Скифов»

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 364. Л. 22.

¹⁹ Знамя труда. 1918. 21 (8) февр. № 138.

²⁰ Кириллов Владимир Тимофеевич (1890—1937) — поэт, участник революционного движения, во время Октябрьского переворота секретарь райкома ВКП(б), в 1918 г. член петроградского Пролеткульта.

(см.: 5, 461—480). Неистовый пафос «Скифов», вера в мессианское назначение революционной России — весь блоковский настрой, прозвучавший в стихотворении, был очень близок пролетарским поэтам²¹. Посвящение «поэта-пролетария» для Блока в это время было наполнено особым смыслом, при этом идея союза «борьбы священной» с «певцами легковейных муз» исходила прямо из лагеря Пролеткульта. Блок сохранил вырезку из газеты «Знамя труда» со стихотворением Кириллова²².

Со стороны пролеткультовской критики энтузиазм «поэта-пролетария» по отношению к Блоку одобрения не получил. Несколько позже, когда вышел сборник Кириллова «Стихотворения. 1914—1918» (Пб.: Пролеткульт, 1918)²³, куда вошло и стихотворение «Поэтам революции», комиссар Пролеткульта Павел Бессалько в статье «Пролетарские поэты» подметил в дореволюционных стихах молодого поэта влияние «мистицизма и символизма господ Блоков». Отзыв Бессалько весьма показателен. Подчеркнув тлетворное влияние Блока на раннюю поэзию пролетарского поэта, критик с негодованием писал: «...эти „покойники“ изредка просыпаются в сердце Кириллова. Не так давно поэт посвятил им стихотворение под названием „Поэтам революции“ и к этому стиху приставил эпиграф из их же произведений:

Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах ты.

Да, Россия господина Блока непременно укачала бы живую душу пролетарского поэта, но на его счастье и к счастью нашей поэзии живую душу раскачала пролетарская революция»²⁴.

Для Пролеткульта интеллигент Блок оставался все-таки «чужим». Мариэтта Шагинян отмечала неприятие поэмы «Двенадцать» «парниковыми юношами, вскормленными Пролеткультом»²⁵. Вероятно,

²¹ Ср. стихотворение Н. Павлович «Будто ордою Батыевой...» с эпиграфом из «Скифов»: «Да, скифы мы! Да, азиаты мы...». Благодаря Блоку стихотворение Павлович было опубликовано в журнале «Записки мечтателей» (1921. № 2—3. С. 134).

²² Орлов В. Н. Поэма Александра Блока «Двенадцать». М., 1962. С. 156.

²³ Этот сборник был в блоковской библиотеке (*Библиотека Блока*, кн. 3, с. 230).

²⁴ Бессалько (Безсалько) П. Пролетарские поэты // Грядущее. 1919. № 1. С. 16—17. В тексте ошибка: блоковский эпиграф из стихотворения «Русь» был предпослан стихотворению В. Кириллова «Родина» (1915).

²⁵ Шагинян М. С. Человек и время. М., 1960. С. 635.

речь шла прежде всего о пролеткультовской критике, которая воспринимала блоковскую поэму с существенными оговорками.

Интересно, что в октябре 1918 г. поэма была перепечатана пролеткультовским журналом «Вестник жизни»²⁶. Публикацию предваряла заметка Владимира Кириллова, озаглавленная «В октябрьские дни (впечатл<ения> очевидца)»²⁷. В сжатой форме участник революционных событий писал о красногвардейцах, которые идут на встречу войскам А. Ф. Керенского. «Молчаливо, спокойно, без песен, музыки и алых знамен движется революционный авангард. <...> что-то глубоко потрясающее есть в этих спокойных, сдержанных лицах, в этих полных беззаветной отваги и решимости глазах. Чувствуется, что только через их бездыханные трупы могут пройти враги рабочего класса»²⁸. Редакция разместила заметку Кириллова на одной странице с 1-й главой блоковской поэмы. Комментируя заметку, критик писал о том, что Кириллов показал психологию именно сознательных рабочих. А вот персонажи «Двенадцати», «лучшители подсолнухов, темные гуляки и убийцы», по его мнению, ни в коей мере не относятся к революционному пролетариату, т. е. авангарду революции²⁹, и заслуга поэта заключалась в том, что он подметил чрезвычайно важное: приобщение городской «гольфы» к революции. Поэма расценивалась критиком как неудавшаяся попытка показать психологию пролетариата.

В этом же номере журнала «Вестник жизни» критик, выступавший под псевдонимом М. Торев, откликнулся на книгу пролеткультовца Василия Князева³⁰ «Красное Евангелие» (1918). Само невероятно дерзкое название книги говорило о том, что она утверждает новые, революционные ценности. Сравнивая «Красное Евангелие» Князева с поэмой Блока, Торев отдавал предпочтение «красному звонарю» (так себя называл Князев), а не «поэту-интеллигенту», пытавшемуся, по словам критика, «схватить дух» Октябрьской революции. «...Насколько реальнее, проще, подлиннее „Октябрь“

²⁶ Вестник жизни. 1918. № 2. С. 39—41.

²⁷ Впервые: Грядущее. 1918. № 1. С. 7.

²⁸ Вестник жизни. 1918. № 2. С. 39.

²⁹ [Б. н.] Отражение революции 1917 г. в русской литературе // Вестник революции. 1918. № 2. С. 32.

³⁰ Князев Василий Васильевич (1887—1937) — поэт, автор текста революционной песни «Никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами», за что был причислен к пролетарским поэтам, с чем был не согласен, называя себя «поэтом пролетарской революции».

В. Князева, нежели причудливо дополненные воображением наблюдения Блока со стороны»³¹.

Сам Князев считал Блока гениальным поэтом, а поэму «Двенадцать» относил к единственному «истинно красному произведению». Свидетельством такого отношения является сохранившаяся в РГАЛИ книга Князева «О чем пел колокол» (Пг., 1920), подаренная Блоку с восторженной дарственной надписью: «Товарищу Блоку, гениальному автору единственного во всю революционную эпоху, пока, истинно красного произведения — „Двенадцати“. Я имею 1½ миллиона пословиц и частушек и я могу сказать, насколько гениальна эта вещь и по своей народности, по своему удивительному языку. Виршесочинитель В. Князев. 15 / XI. 20 г. СПб.»³² (см. вст. II).

Примечательно, что под псевдонимом М. Торев в пролеткультовских журналах вел литературные обзоры «антропософ-философ» М. П. Столяров³³. С ним в Москве постоянно общался Андрей Белый. Можно предположить, что Белый мог поделиться с ним своим сдержанным отношением к поэме Блока. «...Стихи „12“ — уже слишком; с ними я не согласен», — писал он, например, Иванову-Разумнику³⁴. Антропософам, пришедшим в Пролеткульт, какое-то время казалось, что в результате революции осуществляются их надежды на духовные преобразования, в том числе и в области культуры. Это был утопический взгляд на будущее России, который в не меньшей степени был характерен и для Блока, и для Андрея Белого, о чем политизированная З. Гиппиус писала: «...это просто „потерянные дети“, ничего не понимающие, а-политичные, отныне и до века. Блок и сам как-то соглашался, что он „потерянное дитя“, не больше»³⁵.

Определенный интерес Блока к творчеству пролетарских поэтов объяснялся тем, что для него они были носителями идей «нового мира» и той стихии революции, приобщения к которой он

³¹ Торев М. <М. П. Столяров>. [Рец.] В. Князев. Красное Евангелие. Пг., 1918 // Вестник жизни. 1918. № 2. С. 115.

³² РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 4. См. ил. 11.

³³ Михаил Павлович Столяров (1888—1946) — философ, литератор, член совета московского Антропософского общества. Андрей Белый в «Ракурсе к дневнику» в записях января 1918 г., рассказывая о расцвете антропософской жизни в Москве, упоминает среди лекторов М. П. Столярова. См.: ЛН. Т. 105 (по указ.)

³⁴ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / публ., вступ. ст., коммент. А. В. Лаврова и Д. Мальмстада. СПб., 1998. С. 159 (письмо Андрея Белого к Иванову-Разумнику от 27 февр. (12 марта) 1918 г.).

³⁵ Гиппиус З. Н. Дневники : в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 208.

так жаждал. Сама эпоха заставляла присматриваться к творчеству поэтов-пролетариев и рождала по отношению к ним настроение ожидания. Надежда Павлович, секретарь московского Пролеткульта и организатор самарского отделения, в своих воспоминаниях достаточно подробно рассказала об отношении Блока к пролетарским поэтам. Она отмечала, что к Пролеткульту Блок относился весьма критически, а к идее особой пролетарской культуры — и вовсе отрицательно. Общая атмосфера, царившая в Пролеткульте, как и сама идеология, были, конечно, чужды поэту. Считая Пролеткульт «мертворожденным», Блок интересовался только отдельными поэтами-пролетариями. «В них, — писала Павлович, — он думал найти звук той стихии, которая заговорила с ним в 18 году голосом „Двенадцати“. Ему хотелось видеть в них каких-то новых людей, иной породы, иного мира. <...> Помню, как, полушутя, он спрашивал меня: „А что, они влюбляются так же, как мы?“ — но в этом было и серьезное, может быть, они — новые люди, по-настоящему новые, тогда и новую любовь несут они!»³⁶

Об интересе Блока к творчеству поэтов Пролеткульта свидетельствуют книги из его библиотеки. В ней имелись издания лидеров Пролеткульта: книга Алексея Гастева «Поэзия рабочего удара» (1918) (*Библиотека Блока*, кн. 3, с. 217), сборник Ильи Садофьева «Динамо-стихи» (1918), Самобытника (Маширов А. И.) «Под Красным знаменем: Стихотворения» (1919) (Там же, с. 254), пьеса П. Бессалько «Каменщик» (1918) и два его романа — «Бессознательным путем» (1918) и «Катастрофа» (1918) (Там же, с. 211). В библиотеке имелись также журналы петроградского Пролеткульта «Грядущее» и московского — «Гудки» (Там же, с. 274). Осенью 1919 г. Блок пополнил свою библиотеку сборником «Взмахи» (Саратов, 1919), сделав помету в каталоге: «*Взмахи*. Первый сборник Саратовского Пролеткульта. Саратов». 1919 (получено) через Иванова-Разумника 10. XI. 1919»³⁷.

В Рукописном отделе ИРЛИ, в архиве Н. А. Павлович, сохранилась тонкая книжечка, подаренная в 1920 г. поэтессе: отдельное издание поэмы Михаила Герасимова «Мона Лиза» (СПб.: Пролеткульт, 1918) с пометами Блока. Поэт отчеркнул в книге строки, обратившие на себя его внимание, — о пролетарской Джоконде, изготавливающей боевые снаряды:

³⁶ Павлович Н. А. Из воспоминаний об Александре Блоке // Рупор. 1922. № 1. С. 1.

³⁷ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 388. Л. 32 об.

Вся жизнь, вся в бронзовом загаре,
Вся — смехоструйный хоровод,
С игрою глаз призывно-карих,
К нам поступила на завод.

Тебе, как маю, были рады,
И пением твоим пьяны,
Но вот чугунные снаряды
Твоей рукой заряжены³⁸.

Это была типичная пролеткультовская поэма с «индустриальным пейзажем» и «пролетарской» реинкарнацией Вечной Женственности. Естественно, что подобное творчество не могло вызвать сочувствие у Блока.

В составлявшемся Блоком каталоге библиотеки есть запись о покупке журнала самарского Пролеткульта «Зарево заводов»: «...куплено в ларьке на станции „Стрельна“ летом 1919 года. Разорвал для „Серафима“ Н. Ал. Павлович, оставил кое-что себе»³⁹. В первом номере журнала за 1919 г. печатались фрагменты поэмы Павлович «Серафим». Возможно, Блок еще до знакомства с Павлович, просматривая журнал, обратил внимание на поэму. Когда летом 1920 г. Павлович читала Блоку поэму, написанную в Самаре⁴⁰, поэт слушал настороженно, и эта вещь ему явно не нравилась. Святой Серафим Саровский, главный персонаж поэмы, вместе с крестьянской гольтьбой жжет барские усадьбы и возводит на пепелище новый дом:

Мы на пепле, мы на крови
Лучезарный строим дом.
Для своей, для вольной нови
Али силу не найдем!

Перекличка с блоковскими строками «Мы на горе всем буржуям...» очевидна, но в «Двенадцати» обретаемая свобода связана

³⁸ Герасимов М. П. Мона Лиза. М., 1919. С. 7.

³⁹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 388. Л. 77. Номер журнала «Зарево заводов» утрачен (см.: *Библиотека Блока*, кн. 3, с. 274). Подробнее о поэме Павлович см.: Гончарова Е. И. Надежда Павлович между Саровом и Оптиной: История создания поэмы «Серафим» // *Христианство и русская литература* / отв. ред. В. А. Котельников и О. Л. Фетисенко. СПб., 2017. Сб. 8. С. 232—274.

⁴⁰ Ср. также запись Блока от 8 сентября 1920 г. в записной книжке № 61: «Мама у больной Н. А. Павлович. Самара и др.» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 367. Л. 20 об.). Неопубликованные фрагменты данной записной книжки цитируются по автографу.

с отказом от христианских символов («Эх, эх, без креста!»). У Павлович, напротив, тема вольницы аранжирована религиозной символикой. Блок заметил некоторые заимствования символов из «Двенадцати». Среди писем Павлович, адресованных Блоку, сохранился фрагмент поэмы «Серафим», записанный рукой Блока. Он включает четыре строки неизвестной редакции поэмы (см. вст. II):

А за плечами звон Петрограда,
Ясный, торжественный звон.
Спите, почившие! Ваша награда —
Смерть среди алых знамен.

Над автографом помета Блока: «Здесь по-видимому не хватает еще одной строки»⁴¹. Блок прилагал усилия к публикации поэмы Павлович в издательстве «Алконост», однако поэма так и не вышла в свет⁴².

Все эти факты свидетельствуют как об интересе Блока к творчеству поэтов-пролеткультовцев, так и о заметном влиянии на них блоковской поэзии.

Когда пролетарским поэтам в ноябре 1920 г. была предложена анкета с вопросами о литературных влияниях, которые они испытывали, то первое место получили символисты — Блок и Андрей Белый⁴³. Критика отмечала использование поэтами Пролеткульта метрики и ритмики, разработанной символистской школой. Действительно, все характерные черты формальной стороны символистской лирики повторялись в лирике пролетарских поэтов. Влияние поэзии Блока, прежде всего на творчество Михаила Герасимова, отмечали многие. Критикуя пролеткультовцев за излишнее увлечение символистскими приемами, А. Богданов отметил, что поэма «Мона Лиза» Герасимова создавалась явно под влиянием Блока, «особенно по отношению к замыслу и построению поэмы»⁴⁴. Рассказывая о митинге искусства в Москве, пролеткультовский критик П. Керженцев цитировал А. В. Луначарского, усмотревшего в поэзии Михаила Герасимова, так же как и в творчестве других пролетарских поэтов, «ноты типичной интеллигентской

⁴¹ Подробнее см.: *Гончарова Е. И.* Надежда Павлович между Саровом и Оптиной... С. 232—259 (текст поэмы на с. 259—274).

⁴² В рекламном анонсе, размещенном в конце стихотворного сборника Блока «Седое утро» (1920), указывалось, что поэма находится в печати.

⁴³ *Меньшутин А., Синявский А.* Поэзия первых лет революции. С. 354.

⁴⁴ *Богданов А. А.* Простота или утонченность? // Пролетарская культура. 1920. 14 янв. — март, № 13. С. 59, 61.

лирики и мотивы, глубоко чуждые пролетариату»⁴⁵. В книге «Восстание» видного представителя московского Пролеткульта Василия Александровского критик заметил «сильные чужие влияния, главным образом, А. Блока»⁴⁶. Критики укоряли пролетарских поэтов в излишнем внимании к «буржуазным» поэтам, среди которых назывался и Блок.

Из воспоминаний Вс. Иванова известно, что Блок читал лекции в Пролеткульте в 1921 г. Будучи секретарем Литературной секции петроградского Пролеткульта, Иванов оказался слушателем одной из них. Это была лекция о французских романтиках, прочитанная Блоком в начале марта 1921 г., в один из дней антибольшевистского Кронштадтского мятежа. Вс. Иванов вспоминал: «На столе ведомость для лекторов. Среди них — А. Блок. <...> Невысокий человек медленно идет по коридору. В руках у него тонкое пальто, с плеча свисает кашне. Я мгновенно узнаю его. <...> Блок! Кажется по выражению его сухого, темного, несколько надменного лица, что его терзает большая скрытая мысль, которую ему хочется высказать, именно сегодня. „Какая жалость: нет слушателей!“ — думаю я. Никого? — говорит Блок, оглядывая комнату. — Восстание, — отвечаю я извиняюще. — А вы? — Я секретарь студии. — И слушатель? <...> И он вдруг спрашивает: — Разрешите прочесть лекцию вам? <...> Блок раскрывает записки и читает медленно, не спеша, постепенно разгораясь» (*Блок в воспоминаниях*, т. 2, с. 403—404). Лекции читались поэтом достаточно редко. В записной книжке № 61, последней, записи об этом отсутствуют. Для Блока чтение лекций в Пролеткульте объяснялось не только просветительской целью, но и возможностью хоть как-то поддержать себя в голодное время, а Пролеткульт давал возможность получения продовольственного пайка. Зимой 1921 г. Вс. Иванов, впервые увидев Блока, заметил «восковую желтую руку» поэта, взявшую хлеб, принесенный К. Чуковским. Казалось, что поэт даже не понимал, что берет хлеб. Крушение старого мира для интеллигенции обернулось катастрофическим изменением быта. Чуковский, читавший лекции в петроградском Пролеткульте, с горькой иронией записал в дневнике: «Просветители из-под палки! Из-за пайка!»⁴⁷.

⁴⁵ Керженцев П. Буржуазное наследие // Вестник театра (М.). 1920. 5—8 февр., № 51. С. 2.

⁴⁶ *Историк*. <М. К. Лемке>. [Рец.] В. Александровский. Восстание. Стихи. М., «Пролеткульт», 1920 // Книга и революция (М.; Пг.). 1920. № 3—4, сент.—окт. С. 63.

⁴⁷ Чуковский К. Дневник : в 3 т. М., 2012. Т. 1: 1901—1921. С. 293. Интересна запись Чуковского о чтении им лекций в Пролеткульте: «...к Ахматовой (бегом), у меня

Павлович вспоминала, как Блок, прочитав ее статью о пролетарских поэтах в журнале «Творчество», заметил, что статья «не за здравие поэтов», и прибавил по поводу пролеткультовцев: «Да... только они еще не выразители»⁴⁸. Он имел в виду, что они не оказались людьми «новой породы» и «нового мира», о которых он мечтал.

Художественная сторона творчества поэтов Пролеткульта оставляла Блока глубоко равнодушным. В. А. Зоргенфрей писал о полном разочаровании Блока в поэзии Пролеткульта. «Трудно заподозрить Блока в предубежденно-неприятном отношении к так называемым пролетарским поэтам; казалось бы, от них должен был ожидать он обновления и сдвига. Однако говорил о них А. А. угрюмо и неохотно, и не помню, чтобы когда-нибудь высказался одобрительно. Просматривая однажды принесенную А. А. в дар Союзу Поэтов кипу стихотворных пролетарских брошюр, уныло однообразных по форме и содержанию, я заметил вскользь: „Однако пролетарские поэты бессовестно заимствуют у буржуазных“ — „Если бы только это...“ — отозвался А. А. с омрачившимся взором — и перевел разговор на другую тему»⁴⁹.

В Пролеткульт широким потоком хлынули не только одаренные представители пролетарской молодежи, но и малограмотные люди, привлеченные призывом к «творчеству масс». Поэтом мог объявить себя любой рабочий, слагающий стихи с революционно-пролетарской тематикой. Такое творчество не могло быть интересным для Блока. И хотя стихи Кириллова, например, казались ему более лиричными, чем стихи других пролетарских поэтов, Блок, конечно, находил их все равно слабыми. Сама идея особой

нет „Четок“, а я хотел читать о „Четках“ в Пролеткульте. От Ахматовой (бегом) в Пролеткульт. Какой ветер, какие *высокие безжалостные лестницы* в Пролеткульте! Там читал каким-то замухрыжкам и горничным об Анне Ахматовой — слушали кажется хорошо! ...» (Там же. С. 288). Чуковский записал в дневнике 15 декабря 1919 г.: «Был вчера на „Конференции пролетарских поэтов“, которых, видит Бог, я в идее люблю. Но в натуре это было так пошло, непроходимо нагло, что я демонстративно ушел — хотя имел право на обед, хлеб и чай. Ну его к черту с обедом! Вышел какой-то дубиноподобный мужчина (<...> — похож на вышибалу <...>) и стал гвоздить: „буржуазный актер не понимает наших страданий, не знает наших печалей и радостей — он нам только вреден“ (это Шалапин-то вреден); <...> А сам бездарен как голенище. И все эти бездарности, пошлые фразеры, кропатели казенных клише аплодировали. Это было им по нутру. Подумать, что у этих людей были Серов, Чехов, Блок» (Там же. С. 280—281).

⁴⁸ Феникс. М., 1922. Кн. первая. С. 155.

⁴⁹ Зоргенфрей В. А. Александр Александрович Блок: (По памяти за 15 лет, 1906—1921 г.) // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 147—148.

пролетарской культуры, проникнутой пафосом разрушения старой культуры, была для него неприемлема. Девизом Пролеткульта стали строки из стихотворения Кириллова «Мы» (1917):

Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы⁵⁰.

Кириллов, посвятивший Блоку стихотворение «Поэтам революции», гораздо чаще выступал горячим защитником основных заповедей Пролеткульта. «Буржуазным» поэтам, к каковым относили и Блока, он адресовал строфы от имени «грозных легионов Труда», как бы бросая вызов:

О, поэты-эстеты, кляните Великого Хама,
Целуйте обломки былого под нашей пятой,
Омойте слезами руины разбитого храма,
Мы вольны, мы смелы, мы дышим иной красотой⁵¹.

В феврале 1921 г. Блок произнес в Доме литераторов свою знаменитую речь «О назначении поэта». От Пролеткульта присутствовал только И. Садофьев. «Никаких особенных искусств не имеется; — говорил поэт, обращаясь к присутствующим, — не следует давать имя искусства тому, что называется не так; для того, чтобы создавать произведения искусства, надо уметь это делать» (VI, 168). Вряд ли Садофьев уловил смысл блоковских слов, обращенных в том числе и к нему, поэту-пролеткультовцу. «Садофьев, напр., аплодировал», — отметил К. Чуковский⁵².

Павлович, чрезвычайно внимательно слушавшая речь Блока, восприняла ее как свидетельство его глубокого разочарования в творческих возможностях пролетарских поэтов. «И много горечи, — вспоминала она, — в тех „веселых истинах здравого смысла“, которые провозгласил Блок в конце своей речи на Пушкинских торжествах, — здесь сказалось и его разочарование в пролетарской поэзии, которая так и не дала ничего нового»⁵³. В мемуарах Павлович, опубликованных в последующие годы, этот фрагмент ее ранних воспоминаний отсутствовал.

⁵⁰ Кириллов В. Стихотворения, 1914—1918. Пг., [1918]. С. 9.

⁵¹ Там же. С. 10.

⁵² Чуковский К. Дневник. Т. 1. С. 320.

⁵³ Павлович Н. А. Из воспоминаний об Александре Блоке // Рупор. 1922. № 1. С. 1.

В августе 1921 г. в Москве поэтами группы «Кузница», отколовшейся от Пролеткульта, был устроен вечер памяти Блока. Устроитель вечера Владимир Кириллов (он только что вернулся из Петрограда с похорон Блока) вспоминал: «В конце вечера в зале появился Есенин. Он был очень возбужден и почему-то закричал: „Это вы, пролетарские поэты, виноваты в смерти Блока!“ С большим трудом мне удалось его успокоить»⁵⁴.

С весны 1919 г. Блок начал постепенно осознавать наивный утопизм своих революционно-романтических представлений и ожиданий. Живой некогда интерес к стихотворной продукции деятелей Пролеткульта был вызван занимавшей его некоторое время надеждой найти в произведениях представителей «восходящего» класса новаторские отзвуки самобытного творчества и той народной стихии, которая с неудержимой силой ворвалась в собственное художественное сознание поэта и полногласно заговорила на страницах мятежной поэмы «Двенадцать». Однако чуткий поэтический слух поэта не обнаружил в звуках пролетарской лиры той музыкальной гармонии, которая отвечала его представлениям о новом мире.

⁵⁴ Сергей Александрович Есенин: Воспоминания / под ред. И. В. Евдокимова. М.; Л., 1926. С. 175.